

Ци Шэн, соображавший лишь спустя несколько секунд, с холодным лицом и звуком хрустнул зубами, разломив твердую карамельку на мелкие кусочки.

Он окинул Мэн Хуайсю презрительным взглядом с ног до головы, словно разглядывал мусор, и издал холодной фырк:

— Еще сообразительный, понимаешь, что натворил... Ты, собака сутулая, сейчас что, ко мне ластишься?

Мэн Хуайсю автоматически пропустил мимо ушей его словесный мусор, а его взгляд скользнул по мочкам чужих ушей:

— Серьги снял? Выглядит как-то пустовато.

Ци Шэн был человеком до мозга костей нарциссичным, жаждущим, чтобы весь мир сосредоточил на нем свое внимание, и страстно желающим, чтобы любое, даже самое незначительное изменение не осталось незамеченным.

И действительно, Ци Шэн, секунду назад излучавший смертоносную ауру, мгновенно успокоился, стоило лишь погладить его против шерсти.

С неподдельным интересом он протянул руку и ущипнул Мэн Хуайсю за щеку, а подушечки его пальцев с легкой липкой и скрытой жестокостью нежно очертили чужой ушной хрящ.

— Ага, снял все. Менеджер говорит, слишком бунтарский вид, портит образ.

Ци Шэн понизил голос, и его тон разительно отличался от того, с каким он только что отчитывал свою мелкую шпану:

— Мэн Хуайсюй, хочешь примерить на меня? Думаю, если проколоть тебе в ушах три дырки, будет в самый раз, да и волосы заодно перекрась в какой-нибудь яркий цвет.

Мэн Хуайсюй откинул голову в сторону, уворачиваясь от его рук, и решительно отказался:

— Иди ты, я больше всего на свете боли боюсь.

— Я так и знал. Вы все ведь не в курсе, да? Этот паренок Мэн Хуайсюй — трус первостатейный.

Ци Шэн расплылся в дурацкой ухмылке, безжалостно выставляя его напоказ перед всеми:

— По сравнению с тем, как твой собственный никчемный братец ежедневно втоптывает тебя

лицом в грязь, насколько больно проколоть ухо? Просто смешно.

Парочка прихвостней, которых Ци Шэн привел с собой сегодня, выглядели донельзя незнакомыми.

Это внезапное откровение о домашнем насилии мгновенно сделало атмосферу вокруг какой-то натянутой и странной.

Несколько хулиганов уставились на Мэн Хуайсюя с любопытством и явным пренебрежением.

Ци Шэн же с видом полного права на справедливость принялся «прикрывать» его:

— Чего уставились? Если бы его и правда не лупили, этот парень стал бы лежать на земле раскисшей лужей, не в силах подняться?

Мэн Хуайсюй слишком хорошо знал эту отвратительную привычку Ци Шэна — выставлять чужие окровавленные шрамы напоказ, чтобы подчеркнуть свое высокое владычество.

У него не оставалось иного выхода, кроме как позволить ему молотить языком все что вздумается.

К тому же, к факту односторонних избиений со стороны Мэн Хуайчуань Мэн Хуайсюй уже давно привык до полного онемения, растеряв даже остатки стыда.

Увидев, что Мэн Хуайсюй остался абсолютно равнодушен, Ци Шэн мгновенно потерял интерес.

Он сплюнул на землю осколки разгрызенной конфеты и задрал подбородок:

— В караоке. Кое-что покажу, тебе понравится.

Ци Шэн грубо толкнул его в спину, и хотя на сердце у Мэн Хуайсюя скребли кошки, возможности отказаться у него не было.

Раз уж отбегаться не получится, оставалось лишь покорно улыбаться и тащиться следом, только тогда эта бешеная собака могла угомониться.

Мысленно подсчитывая, куда же запропастился тот невезучий парень из недавнего видео, он бросил взгляд назад на постепенно удаляющуюся территорию Первой старшей школы.

На западном фаусе учебного корпуса окно третьего класса выпускного года было приоткрыто.

Непонятно почему, но ему вдруг показалось, что за тем стеклом Пэй Цинюэ со своим холодным и безупречным выражением лица молча смотрит прямо на него.

Мэн Хуайсюй неотрывно уставился в ту сторону, прикипев взглядом.

Ци Шэн, который все болтал без умолку о том, в какое именно заведение они направляются, заметил его рассеянность.

Проследив за его взглядом, Ци Шэн мгновенно помрачнел, резко остановился и холодно рявкнул:

— Твою мать, ты тащишься со мной, и все равно смеешь пялиться на Пэй Цинюэ?!

— Нет. Я смотрю на классного руководителя, боюсь схлопотать прогул.

— Не неси чушь...

Казалось, у Ци Шэна окончательно кончилось терпение: он резко взмахнул рукой и с предельно оскорбительной силой принялся хлестать Мэн Хуайсюя по щекам.

— Уж если берешься сочинять отговорки, придумай хоть что-то правдоподобное, Мэн Хуайсюй.

Стоило только всплыть имени Пэй Цинюэ, как заложенная в самой природе Ци Шэна жестокость мгновенно вырывалась наружу без малейших сомнений.

Окружающие хулиганы тут же притихли, не смея даже громко дыхнуть.

Мрачный взгляд Ци Шэна медленно опустился ниже, намертво вцепившись в поясницу Мэн Хуайсюя.

— Это потому что я в последнее время не давал тебе карманных денег, и ты решил специально позлить меня этой мерзостью?

После нескольких секунд мертвой тишины последовал полный унижения приказ.

— Снимай ремень, нищеврод. Я дам тебе денег.

Стоявшие вокруг хулиганы, еще минуту назад бросавшие на Мэн Хуайсюя вороватые взгляды, теперь поголовно расплылись в злорадных, уродливых усмешках.

Ци Шэн вытащил свой дорогой кожаный кошелек, вытянул толстую пачку сто юаневых купюр и помахал ими перед носом Мэн Хуайсюя:

— Я сказал снять. Оглох?

Этот парень и правда обладал поистине выдающимся талантом в деле попирания человеческого достоинства.

Мэн Хуайсюй мысленно трижды повторил про себя фразу «люди гибнут за металл», с бесстрастным выражением лица опустил глаза и, слегка согнув пальцы, покорно и механически ослабил ремень на школьных брюках.

Зритель был всего один — Ци Шэн, зато зевак, наблюдавших за представлением, набралось целая стая.

Ци Шэн грубо засунул пачку купюр за свободный пояс брюк Мэн Хуайсюя.

Холодные, острые края бумажных банкнот соприкоснулись с разгоряченной кожей, вызвав мелкую дрожь.

Глядя на эту сцену, Ци Шэн удовлетворенно улыбнулся так, что на щеках появились ямочки.

В следующее мгновение он резко замахнулся тяжелым кожаным кошельком и со всего маху врезал им по лицу Мэн Хуайсюя!

Раздался глухой удар.

Сила была невероятной: у Мэн Хуайсюя тут же зазвенело в ушах, челюсть едва не вылетела из суставов, а во рту мгновенно разлился густой привкус железа.

— Ах ты дрянь продажная, твой удел — от рождения под шлюх ходить.

Ци Шэн наклонился к нему ближе, а в его злобном голосе сквозило болезненное возбуждение:

— Раз уж ты родился нищим оборванцем, не проще ли сразу пойти торговать телом в какой-нибудь клуб, Мэн Хуайсюй? Все равно, пока платят достаточно, тебя может топтать кто угодно, верно? Разве это не идеальный вариант для тебя?

Мэн Хуайсюй отвернул голову, кончиком языка коснувшись разбитого уголка рта, и ощутил во рту кровь.

Он спокойно повернулся обратно, единым движением выхватил из рук Ци Шэна кошелек, беззастенчиво вытащил оттуда еще пару красных купюр, сунул их в карман и, встретив ошарашенный взгляд Ци Шэна, ровным голосом произнес:

— Ну и отлично. В конце концов, всегда найдется кто-то вроде тебя, великий господин, кто добровольно раскошелится, чтобы я мог пить и есть за его счет.

Услышав этот бесстыдный ответ, Ци Шэн не только не взбесился, но и разразился безудержным хохотом.

Словно награждая послушную собаку, он протянул руку и взъерошил волосы Мэн Хуайсюя, а его смех звучал легкомысленно и резал слух.

Среди этого галдежа и омерзительного смеха в голове Мэн Хуайсюя помимо его воли всплыл образ Пэй Цинюэ.

Пэй Цинюэ — с опущенными ресницами, чуть сжатыми губами и сдержанным даже в улыбке выражением.

Даже если бы он рассмеялся во весь голос, никто бы слова не сказал, но он неизменно следовал своим жестким правилам, изо всех сил сдерживая себя.

Если бы... Если бы он встретил этого безупречного отличника раньше, чем Ци Шэна, что бы тогда изменилось?

Подобные дикие, несбыточные мысли роем вились в голове Мэн Хуайсюя, разрастаясь, подобно дикой траве.

Купюры, прижатые к коже, и кошелек, которым Ци Шэн ударил его по лицу, казались невыносимо ледяными.

А рука Пэй Цинюэ, обрабатывавшая ему с утра раны, была ведь такой теплой.

<http://bllate.org/book/19358/1892560>